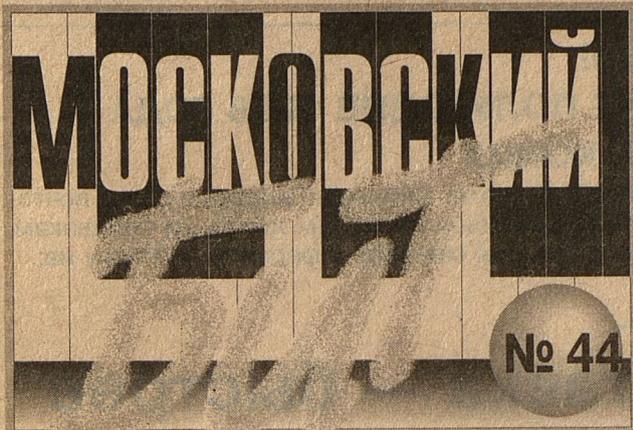

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКА

Расскажите Чайковскому новости.

Чак Берри

Настя Полева — самая обаятельная и самая загадочная певица русского рока — после нескольких лет забвения выпускает очередной альбом.

Шесть-семь лет назад ее непростое творчество имело огромную для таких странных и малопонятных песен популярность: группа Насти с одноименным названием на рубеже 80—90-х годов посетила с гастролями более ста городов доживавшего последние дни СССР, включая самые захолустные райцентры, совершила ряд туров по Германии и Голландии. Ее первые два альбома имели земноводно-туземные названия «Тачу» и «Ноа Ноа», она пела про «ленивые огни», «вечер стекла» и «плывущих Офелий», насыщая эти внешне декадентские образы неожиданным драматизмом и душевной глубиной, а народ России, уже прошедший через горнило «Миража», ломился на ее концерты и рукоплескал.

Восхищенная рок-пресса называла ее «советской Кейт Буш» и «первой леди уральского рока». Со своим свердловским ансамблем она, например, собирала полные залы в таких заповедных городах Башкирии, как Салават, Стерлитамак и Ишимбай. Гастролируя по Чувашии, она сорвала овации в Чебоксарах — на родине беспощадного врага мирового символизма Василия Ивановича Чапаева.

Затем, однако, жизнь на российских просторах резко помрачнела. Долгожданную свободу быстро обрели не только подпольные художники, но и уличные бандиты. Настин родной Свердловск, он же реанимированный Екатеринбург, в одночасье превратился в один из самых криминальных городов возрожденной России.

Когда в 1993 году кто-то из них на вовсе не безлюдной улице приставил к шее Насти нож и ободрал как липку, ей стало ясно, что из этого замечательного города — «третьей рок-столицы России» после Москвы и Ленинграда — придется уезжать.

Настя уехала в Питер, где тогда царил голод и разруха, но озверелых подонков как-то традиционно было меньше.

«У меня начался новый этап жизни, — вспоминает она. — В Свердловске песни у меня писались в противовес обстановке, чтобы попасть в другую реальность. В Питере, наоборот, обстановка вдохновляет, даже если погода месяцами стоит ужасная. Питер — это энциклопедия архитектуры. Здесь словно творческая инфекция в воздухе сидит».

Тем не менее поначалу на новом месте дела у Насти шли неважно. Чтобы записать альбом «Танец на цыпочках» (1995), ей все равно пришлось временно вернуться в свой родной горделиво-индустриальный город, где в рок-среде она была и оставалась всеобщей любимой. Но музыкальная жизнь нашего Отечества уже вошла в новую стадию. Жесткая инфра-

Сиамское равновесие

Новая газета. -1997. -1-7дек. +с. 13

Насти Полевой

Фото Олега БЕЛИКОВА

структура разрастающегося шоу-бизнеса уверенно вытесняла привычные тусовочные рок-коммуникации. Старые поклонники выросли и уходили в плоскость невеселых проблем типа прокорма детей, а то и просто физического выживания. А идущая им на смену молодежь уже видела в телевизоре не источник советской тоски, которой нужно искать духовную альтернативу, а источник культурной информации.

Но в телевизоре, увы, сидели уже преимущественно те, кто платил за это деньги. А денег у Насти не было.

Не поддержанный ротациями клипов и несуществующих радиобоевиков альбом «Танец на цыпочках» прошел практически незамеченным. Да и весь состав Настиной группы так и остался

Ведущий Олег Пшеничный

Любезный читатель! Хотя осторожный Гурьев не столь эмоционально оценил новый альбом Насти Полевой, мне эта запись видится в числе пяти-шести самых интересных альбомов, записанных в девяностые кем-либо из наших певиц. Понятно, что если назойливые клипы с изображением Насти не мелькают день и ночь на всех каналах, недоверчивая публика может подвергнуть мои слова сомнению. Выход простой — спрашивайте в музыкальных киосках и убедитесь сами

сил ее об интервью. А пару лет спустя в составе «Трека» Настя с триумфом выступала в подмосковном Зеленограде в одном концерте с «Воскресением» — еще за год с лишним до столичного дебюта Жанны Агузаровой.

И вот уже в Санкт-Петербурге Настя Полева в аранжировках Егора Белкина записывает свой самый глубокий и самый личный альбом «Море Сиам». Если в предыдущих своих пластинках она выступала только как вокалистка и автор музыки, то здесь она впервые написала тексты для своих песен.

«Пора наконец брать ответственность за слова, которые ты поешь, — говорит Настя. — Раньше мне для этого не хватало то ли мозгов, то ли смелости. А сейчас я уже не могу представить себе человека со стороны, который сумел бы выразить то, что я хочу».

«Сиам для меня — это набор символов: Сиамский залив, сиамские кошки, сиамские близнецы, наконец, — поясняет она. — Главная мысль этой песни и альбома вообще — о единстве и борьбе противоположностей. О неразъединенности никого ни с кем, всех понятий — начиная с человеческих отношений и до гармонического состояния жизни вообще».

Собственные тексты Насти в этой последней ее работе завершают, дорисовывают все то, что ранее в ее песнях было загадочно и неопределимо: тревожный лиризм, образы неустойчивого, ненадежного равновесия... Как будто мир еще держится — еле-еле, на честном слове. Но если удастся найти в себе смелость это «честное слово» произнести — как бы странно и, может быть, нелепо оно ни звучало, we can give peace a chance.